

Пуанкаре Раймон

**На службе Франции:
Воспоминания за 9 лет
Раймонд Пуанкаре**

Книга 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Р12

Р12 **Раймон П.**
На службе Франции: Воспоминания за 9 лет Раймонд Пуанкаре: Книга 2 /
Пуанкаре Раймон – М.: Книга по Требованию, 2022. – 429 с.

ISBN 978-5-519-79827-3

ISBN 978-5-519-79827-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Том VII

ПОЗИЦИОННАЯ ВОЙНА

1 9 1 5

О П Е Ч А Т К И

<i>Стрел.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
156	4 сверху	Мармароша, Шигета	Мармарош-Шигета
186	14 снизу	Яцену	Жацену
199	7 снизу	организации	реорганизации
240	5 снизу	безнадежными	безнаказанными
374	8 сверху	которые	которые идут
380	19 сверху	Шари	Шари
380	15 снизу	необходимости; в отличие	необходимости, в отличие
380	14 снизу	лиц — увы! — он	лиц; увы! он
381	14 сверху	президента	председателя
387	8 снизу	великий	знатный

Пуанкаре, том II.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

На франко-бельгийском фронте. — Визит королю Альберту и королеве Елизавете. — Вопрос о Саррае и Дарданеллах. — С Пьером Лоти в Эльзасе. — Кладбища в Моонсе и Танисе. — Правительство, комиссары и парламент. — Советники с министрами и генералом Жоффром. — Бельгийский король на французском фронте. — Император Николай II намерен стать во главе своих армий.

Воскресенье, 1 августа 1915 г.

Все время идет война в окопах. Наши войска имобилизованы в нескончаемой позиционной войне.

Вчера вечером выехал из Парижа вместе с Мильтераном, Дюпаржем, Пенеломом и Дюмейру; утром приехали в небольшой городок Берг. Три четверти жителей покинули его, многие дома разрушены или повреждены бомбардировкой. Фош приехал еще до нас. Пересели в автомобили и все вместе отправляемся на аэродром близ Гондшооте. Там мы застали генерала Эли д'Уассели, сменившего генерала Пютца в командовании французскими войсками в Бельгии. На поле, где мы остановились, выстроен 4-й смешанный полк, из новых формирований, в составе стрелков и зуавов. Я принял парад, передал полку знамя и в краткой речи воздал должное храбрости его батальонов, которые уже все отличились в Кашпи, Ласиньи и Рошешкуре, а также на Марне и Изере. Отсюда мы поехали дальше; близ Кромбека состоялась такая же церемония в честь другого нового полка — 3-го *бис*; это полк зуавов, многие из них уже сражались на Эне и в окрестностях Арраса. Затем мы отправились в Вест-Флетс-реп, где нашли 3-й смешанный полк стрелков и зуавов, принимавший участие в боях под Аррасом и Суассоном, и полк зуавов 26, отличившийся в деле под Таркетт и Мезон-Бланш и взявший Эгринья. Здесь тоже перед вручением полкам знамен я произнес несколько слов. К знамени полка зуавов 36 я приколот военный крест. У всех этих новых полков, усиленных старыми частями, хорошие кадры, у всех у них очень бодрый вид. Я наградил розеткой ордена Почетного легиона аббата Жана Малора, священника 45-й пехотной дивизии. Он был ранен в 1870 г. под Седаном, будучи солдатом, затем был с 1871 по 1914 г. полковым священником в Алжире;

в 1889 г. он получил звание капитана ордена, в марте 1915 г. он отмечен приказом по армии; ему семьдесят один год, и в приказе говорится, что он столь же храбрый солдат, как и предшествовавший славянин.

Затем мы осматривали в секторе 45-й дивизии укрепления в лесу Зюйдхооте, к северо-западу от Ипра: окопы, небольшие форты, прикрытия для пулеметов, проволочные заграждения. Даже находящаяся недалеко большая ферма тоже укреплена вплоть до погребов. Неподалеку установлена одна из наших артиллерийских батарей. По легкой лесенке и вместе с Мильераном и Эли д'Уасселем взбираюсь на наблюдательный пункт, устроенный на дереве. Не успели мы с генералом подняться на площадку, — Мильеран был еще выпущен, — как над нашими головами прожужжал один снаряд, затем другой. Несомненно, неприятель обнаружил наши автомобили. Когда мы спустились вниз, к нам подошли Фош и генерал Кенкандон с известием, что снаряды упали приблизительно в ста метрах позади нас, недалеко от фермы. Слова жужжанье, и граната разрывается примерно в том же направлении. Фош, всегда осторожный, когда речь идет о безопасности другого, советует мне удалиться и не идти дальше. Но Эли д'Уассель сказал мне, что предупредил артиллеристов о появлении „высокого начальства“. Я не хотел уходить, не повидавши их. Мы пошли к батарее. Мне нас пропесили на носилках канонира, раненого в плечо и ногу. Я подошел к нему и сказал ему несколько ободряющих слов. Неприятельский самолет, кружащий над нами, так хорошо направляет стрельбу немецкой артиллерии, что два новых снаряда взрываются опять совсем недалеко от нас. Фош посылает ко мне генерала Кенкандона сказать, что дает нам „приказ к отступлению“. Я иду к нему и смеясь заявляю, что, к сожалению, вынужден оказать ему неповиновение. В сопровождении одного лишь Эли д'Уасселя пробираться через заросли и дохожу до батареи. Конечно наши храбрые артиллеристы не пугаются для ободрения в посещении президента республики; однако они были счастливы увидеть нас, тем более что уже начинали сомневаться в нашем приходе. Затем мы вернулись к Мильерану, Фошу и офицерам и отправились пешком к тому довольно отдаленному пункту, где нам пришлось оставить наши автомобили. По дороге мы снова встретили нашего раненого канонира; его вели на перевязочный пункт. Повидимому раня его не тяжело, и он горячо благодарил меня за подаренные ему мной жалкие часы.

Позавтракав в Роосбрюгге, где находится штаб-квартира Эли д'Уасселя, мы отправились в северный сектор на левом фланге бельгийской армии. Там расположена 38-я дивизия, состоявшая из зуавов и морских частей. Командир ее — генерал Рукеволь, состоящий в родстве с одной семьей в департаменте Маас. Сделав остановку на кладбище Коксид, чтобы почтить память похороненных здесь, мы возвращаемся на территорию Франции. Здесь я посещаю госпитали в Зюйдхооте и Мало-ле-Бэп. Раздаю знаки отличия и военные медали нисалидам. В заключение я вручаю плетое знамя маршевому полку марокканской колоннальной пехоты.

Перешел в Берге в своем уютном вагоне.

Сегодня ровно год, как Германша предъявила свой ультиматум Бельгии. В эту печальную годовщину я решил посвятить несколько часов королю и королеве. Рано утром я выехал из Берга с подполковником Желш, начальником французской миссии. Мы направились сначала в Гута, главную квартиру бельгийской армии, а оттуда в Лоо, где король меня ожидал и встретил со своей обычной любезностью. После короткого разговора о положении на фронтах король с большой задушевностью рассказывал мне о городе Лоо, о его древней истории, о том, что это единственный фламандский город, имеющий в своем гербе римского орла. Ратуша построена в XVI в., она почти запово перестроена в 1842 и в 1906 гг. Это — продолговатое прямоугольное здание; с двух сторон его выступы с бойницами. Квадратная башня у одного из углов фасада свидетельствует о фламандском стиле, ее поддерживают колонны и кутовые своды. Король показал нам это здание только снаружи и тотчас повел нас в приходскую церковь — очень изящный образец архитектуры XIII в., к сожалению поврежденный снарядами. Оконная живопись погибла. Главный алтарь и хоры с резьбой Таллебера Нирского сильно пострадали, и священник обращается к королю с настоятельной просьбой убрать в безопасное место уцелевшую в ризнице резьбу по дереву времени Людовика XVI в. По темной лестнице, затем по неудобным приставным лесенкам мы поднимаемся на колокольню, где устроен наблюдательный пункт; отсюда мы видим равнину Диксмоде, а вверху несчастный город Лоо со многими разрушенными домами. Бельгийский офицер, приставленный к этому наблюдательному пункту, показывает нам вдали расположение — увы! — знаменитой батареи, обстреливавшей Дюнкирхен и Берг. Затем король и я поехали осматривать укрепления в окрестностях города. Мы были одни в автомобиле и беседовали совершенно свободно. Оба мы были совершенно одинакового мнения о том, что вероятно война затянется и необходимо поддерживать в сердце обеих наших наций веру в успех. Короля очень тревожит отступничество русских [1], он не может понять непредусмотрительности царского правительства, но верит, что, несмотря на эти неудачи, мы одержим верх благодаря выдержке и настойчивости. Мы беседуем о речи, произнесенной вчера Вильгельмом. Он заявляет в ней, что не хотел войны и что совесть его чиста [2]. „Qui s'exuse, s'accuse (кто оправдывается, тот сам себя обвиняет)“, — заметил мне король. — Если бы на суде обвиняемый так часто заперся в своей невинности, судья немедленно пришел бы к заключению о его виновности“. Мимоходом я коснулся тех странных взглядов, которые высказывала в своих диссертациях в Брюсселе бывший бельгийский журналист в Париже барон Гильом [3]. Король ответил мне, что лучше того-либо другого знает, как Франция всегда была далека от политики шовинизма. Мы сделали остановку в Фюрнесе, чтобы еще раз подняться здесь на колокольню. С вышины открывается великолепный вид. Бельгийская равнина изумительно возделана чуть ли не до самого фронта. Если бы не поднимающиеся там и сям на

горизонте дымки от гранат и не вид развалин под нами, можно было бы на мгновение забыть, что теперь война. Я спрашиваю короля, не согласится ли он в скором времени сделать ответный визит по французскую армию. „Я из скромности, — говорит он, — не обращался еще к вам с этим предложением. Я буду весьма счастлив посетить ваши войска“. И он произносит передо мною хвалебный гимн Франции и ее армии.

Мы вернулись в Ла-Панн, где нас в небольшой приморской вилле ожидала королева. С нею были оба молодых принца и принцесса, очаровательная со своими кудряшками и смеющимися личиком. Король отвел меня в предназначенную для меня комнату; она меблирована весьма скромно, как и другие. Через несколько минут мы снова встретились в столовой, небольшой залитой светом комнате с видом на море. К столу приглашены де-Броквилль, Мильтеран и наши офицеры. Король мило просит извинения за нецелысканность блод. Его повар, говорит он, мобилизован, и его пришлось заменить кухаркой. После завтрака королева быстро сделала несколько спикков своих гостей, и мы все отправились осматривать большой госпиталь в Ла-Панн. Меня поразило его богатое устройство. Он помещается частью в Гранд-отеле, частью в деревянных разборных домиках, купленных в Англии. Здесь было много раненых бельгийцев, несколько французов, один шестилетний мальчик с ампутированной ногой, девочка, изувеченная в Фюрнесе осколком гранаты. Госпиталь носит имя королевы. Она работает в нем с такой энергией и с таким знанием дела, как сестра-профессорка. Я вручил розетку ордена Почетного легиона главному врачу доктору Денажу, которого она мне очень хвалила, и оставила кое-что для раненых. Выйдя из больницы, мы пошли вдоль берега. Бельгийские пехотинцы во время отдыха расхаживают груннами по пляжу или около вилл, в которых они размещены. Среди солдат в мундирах защитного цвета, которые недавно надела бельгийская армия, кое-где люди в штатском, — это жители Ла-Панн — старики, женщины, дети. В своем желании приветствовать нас солдаты, купающиеся в море, не стесняясь бегут к нам в трусах. Музыка играет „Марсельезу“ и „Брабансонну“.

Простившись с королевской семьей, мы уезжаем и по дороге снова проезжаем Дюнкирхен. Сделали привал в Гравелинне, где осматривали продовольственные склады, устроенные во Францию бельгийским интендантством. Несколько более продолжительную остановку мы сделали в Кале, осмотрели здесь бельгийский арсенал, красивые английские продовольственные склады и вокзалы обеих союзных армий. Пошел дождь. Мы садимся в мой поезд и едем в Париж.

Вторник, 3 августа.

Приехали в Париж в восемь часов утра. Перед заседанием совета министров я осведомился о том, что произошло за время моего отсутствия. Третьего дня возобновилась сессия Думы. Твердые заявления правительства встречены были на всех скамьях самым решительным одобрением [4]. Палеолог беседовал с депутатами раз-

личных партий. Они утверждали, что народ преисполнен решимости продолжать войну до победного конца (Петроград, № 943) [5].

Продолжаются разговоры с Болгарией, Грецией, Сербией и Румынией. Пересматривают формулировки, вносят одно предложение за другим. Но чем дальше победа, тем беспомощнее дипломатии. Помощник начальника болгарского генерального штаба — он же бывший военный атташе в Германии и доверенное лицо короля Фердинанда — отправился в субботу весьма таинственно в Берлин, где новый болгарский посланник Ризов, симпатии которого всем известны, должен подготовить соглашение с Германией (София, № 351).

Я полагаю, что годовщина заседания парламента от 4 августа 1914 г. влечет за собой обязанность обратиться с посланием к парламента. Но завтра нет заседания. Ближайшее заседание обеих палат состоится только в четверг. К тому же некоторые министры, по моему мнению, находят нежелательными с конституционной точки зрения слишком частые послания президента.

Среда, 4 августа.

Дюбо и Дешанель оба того мнения, что необходимо отметить годовщину. Английский король тоже обратился ко мне по случаю годовщины с телеграммой, выражающей твердую уверенность в победе. Хорошо, если общественные власти во Франции покажут врагам и нейтральным ту же настойчивость и выдержку.

Четверг, 5 августа.

Сообщение, сделанное вчера союзниками в Нише, было плохо принято Пашичем. Он нашел, что выгоды, обещанные Болгарии, затрагивают самое существование Сербии, и воздержался от немедленного ответа (Ниш, № 558). Я сделал попытку смягчить это недовольство и с согласия совета министров телеграфировал сербскому принцу-регенту: „По прошествии первого года войны считаю своим долгом послать свои пожелания вашему королевскому высочеству и храброму сербскому народу. Месяц за месяцем мы и наши союзники боремся вместе с Сербией против врагов ее независимости, и нам предстоит еще большие усилия, чтобы добиться полной победы. Прошу ваше королевское высочество верить, что во всех дипломатических переговорах, вызываемых событиями, Франция и ее союзники продолжают иметь в виду интересы Сербии. Мы просим у нее согласия на некоторые жертвы только потому, что они могут оказаться условием окончательного успеха. К тому же они будут сторицей возмещены теми значительными выгодами, которые союзники намерены обеспечить Сербии; эти выгоды во всяком случае будут заключаться в присоединении Боснии и Герцеговины и в широком доступе к морю“.

Я сообщил совету министров набросок послания, в котором подчеркиваю необходимость выдержки и единения. Совет одобрил его. „Вы найдете естественным, — говорю я в своем послании, — что по прошествии года войны президент республики считает долгом чести присоединить свой голос к голосу правительства и парламента и

воздать пани и армии дань восхищения и благодарности. Когда год назад я рекомендовал стране то священное единение, которое было и остается одним из условий победы, я не сомневался в том, что мой призыв будет немедленно услышан. Только наши враги, которые всегда ошибались в своей оценке Франции, могли думать, что мы лишь зрелище внутренней розни, которая будет на-руку их пагломu нападепию...“ Воздав должную хвалу нашим солдатам, я продолжаю: „В ослеплении своей гордыни Германия воображала себе Францию легкомысленной, впечатлительной, непостоянной, не способной к выдержке и длительным усилиям. Наш народ и наша армия неизменно отвечают на эту клеветническую оценку своей спокойной силой, противопоставляют клевете действительность...“ В заключение я говорю: „Республика может согласиться только на такой мир, который обеспечит безопасность Европы, позволит нам вздохнуть свободно, жить и работать, восстановит целостность нашего отечества, возместит произведенные у нас разрушения и явится действенной защитой против повторения германской агрессии. Нынешние поколения отвечают за Францию перед потомством. Они не позволят профанировать и урезать то достоинство, которое наши предки вверили их временной охране. Франция желает победы. Она победит“.

Визнанш сообщил в совете министров, что достигнуто соглашение с обеими палатами относительно характера парламентского контроля. Председатель совета министров поставил в этом соглашении категорическое условие, что парламентские миссии могут действовать только по предварительном согласовании между правительством и комиссиями. Сопредаание представителей фракций, состоявшееся под председательством Жюль Эпфрида, постановило принять к сведению достигнутое соглашение.

Длинная дискуссия по вопросу о Дарданеллах. С одной стороны, Мильеран получил от Жоффра письмо от 3 августа со всякими возражениями против плана генералов Гуро и Байу; с другой стороны, Сарраиль не проявляет склонности принять на себя командование экспедицией, если в нее не будут включены новые части. И вот некоторые министры болятся видимости того, что они, так сказать, „унизят республиканского генерала“. Марсель Самба категорически объявил, что, если будет совершена эта ошибка, кабинет будет свергнут. Я умоляю совет министров рассмотреть дарданельский вопрос по существу, не взирая на лица. В конце концов решено было поступить таким образом. По Мильеран огласил письмо Жоффра, и оно снова взволновало умы. „Несмотря на свое значительное численное превосходство, — пишет главнокомандующий министру [6], — русские отступают перед немцами и австрийцами, что объясняется очевидно нехваткой вооружения и снаряжения. Что касается будущего, то не следует обманывать себя ложными надеждами. Современную мощную армию невозможно восстановить за ночь; нельзя сразу создать кадры и изготовить большое число снарядов и ружей. Итак, могут пройти месяцы, прежде чем русские будут в состоянии снова перейти в наступление. Не забудем, что мы дошли до предела в использовании наших людских ресурсов. Англичане должны в бли-

жайшую зиму дать нам новые войска, по нашим собственные контингенты могут отныне только снижаться. Итак, факты доказывают — и весь мир знает это теперь, — что только французская армия может оказать отпор немецкой армии и разбить ее. У нас теперь не только благоприятные условия для наступления, на нас лежит также безусловный долг перед русскими, долг, который они не преминули выподнить в аналогичных обстоятельствах. Наконец мы взяли на себя официальные обязательства в протоколе конференции от 7 июля с. г., подтвержденном военными представителями всех союзных государств [7], и я считаю, что ваша и моя подписи означают обязательство со стороны Франции. Итак, обстоятельства в настоящий момент слишком ненадежны, чтобы мы могли взять из наших армий на севере и востоке войска для отправки в Дарданеллы. Короче говоря, мнение главнокомандующего сводится к трем-четырем положениям, из которых первое, пожалуй, вряд ли придется по сердцу нашим союзникам: только французская армия способна разбить немецкую армию, французская армия отныне будет уменьшаться, поэтому необходимо действовать, пока она сильна, тем более что мы дали соответствующее обещание.

Что касается этого обещания, то мои сведения о конференции 7 июля до сих пор не дают мне возможности в точности ориентироваться на этот счет. Полковник Бюа просто послал мне от имени министра протокол заседания в Шантильи. На последнем присутствовали Мильеран, Жоффри, итальянский полковник ди Бреганца, сербский полковник Стефанович, русский полковник Игнатьев, фельд-маршал Френч и бельгийский генерал-майор Вилеманс. Действительно, принято было решение, что, пока будут продолжаться текущие операции на восточном фронте, т. е. отступление русских, французские войска предпримут ряд местных выступлений и при первой возможности возобновят общее наступление; что британская армия, которая должна вскоре пополниться новыми дивизиями, окажет всемерную поддержку этим наступательным операциям; что бельгийская армия примет в них участие по мере своих сил; что итальянская армия разовьет свои операции в направлении Лайбах — Виллах; и наконец, что сербская армия будет стараться согласовать свои действия с действиями итальянской армии.

Я не знал про эти планы; правительство посвящено было в них не более моего. Мне представляется, что эти планы идут совершенно вразрез с теми взглядами, которые высказало в беседах со мною большинство генералов. Мильеран показал мне зашифрованную телеграмму, посланную ему Жоффром 3 августа. Согласно этой телеграмме, „полное развитие наших операций“ произойдет между 15 августа и 15 сентября, в момент высадки III армии Китченера; поэтому, говорится в телеграмме, не будет возможности двинуть эту армию между нашими армиями. Я немедленно написал военному министру: „В чем дело? О каких операциях идет речь? Наме-ремы ли мы повторить операции в Шампани, на Вэвре, в Эпарже, в Суэзе? Генерал Жоффри в своем длинном письме о Дарданеллах сам заявляет, что убыль наших войск превосходит все предположения. Я официально требую не предпринимать никакого нового наступ-

ления, не ознакомит меня со всеми условиями и размерами этого выступления и не дав мне возможности проверить, не является ли преждевременное выступление опасным разбазариванием наших сил, раз война продлится до будущего года. Когда я получу информацию, мы вместе с тобою обсудим положение и, если понадобится, представим вопрос на разрешение правительства. Я требую, чтобы прежде не предпринимали ничего окончательного и непоправимого. Это не только вопрос военного порядка, это также вопрос дипломатический и общенациональный“.

Самба заявил мне, что считает кабинет „морально свергнутым“ по вине Мильерана. Он желает, чтобы, в случае министерского кризиса, Гад и он могли получить свободу и бороться против тенденций в социалистической партии, неблагоприятных продолжению войны. Что касается Альбера Тома, то партия разрешит ему остаться в преобразованном кабинете.

Бывший военный министр Этъени сообщил мне конфиденциально, что виделся на-днях с Жоффриом и нашел его в угнетенном состоянии: Жоффри бонтел, что утратил доверие правительства. Этъени приехал ко мне из палаты депутатов и рассказывает, что Дешанель выступил с несколько риторическим восхвалением палаты и таким образом добился весьма значительного успеха. Вивьани вышел на трибуну больной, измученный; еле дышался, он чуть слышно, глухим голосом прочитал мое злобастное послание, которому аплодировали только приличия ради.

Пятница, 6 августа.

Из итальянской главной квартиры приехали майор Револь и мобилизованный в чине лейтенанта сенатор Морис Сарро. Они говорят, что итальянская армия превосходна, но тоже стоит перед лицом кризиса вследствие недостатка снаряжения. Сарро утверждает, что уход Мильерана и особенно снятие Жофффра произведут в Италии крайне нежелательное впечатление.

Суббота, 7 августа.

Вивьани еще болен или переутомлен и не присутствует на заседаниях совета министров. Делькассе зачитал новую телеграмму, отправленную им в Бухарест; он просит Братство рассеять опасения Болгарии и как можно скорее приступить к переговорам относительно исправления границы Добруджи (из Парижа в Бухарест, № 256). С другой стороны, известно, что четыре союзные державы потребуют от греческого правительства уступки Болгарии Каваллы, вызвало сильное возбуждение и даже волнения в Афинах, Салониках и Серрее (Салоники, № 403).

Русские войска покинули Варшаву, и немцы вступили в город (Петроград, № 964).

Клемансо выступает в „L'Homme enchaîné“ с обвинительным актом против военного управления, против Мильерана, „вождя шайки карьеристов“, против „его соучастника“ Вивьани и против меня, который „после Шарлеруа“ не „выступил с решительными мерами, не повернул как следует руль“. Другими словами, перед битвой на